

Серия «Ключ от послезавтра»

АЛЛА ВОЛОГЖАНИНА

КОФЕЙНАЯ
ВЕДЬМА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9

ББК 84(2Рос=Рус)

В68

Иллюстрация на обложке Алисы Перкмини
Дизайн обложки Анастасии Чаругиной

Вологжанина, Алла.

В68 Кофейная ведьма : повесть / Алла Вологжанина. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 320 с. : ил. — (Ключ от послезавтра).

ISBN 978-5-17-111704-7

Гадая на кофейной гуще, Саша Фербер не столько предсказывает клиентам будущее, сколько поддерживает добрым словом. Впрочем, говорят — сбывается.

Однажды ее простая и почти счастливая жизнь превращается в сплошное волшебство: разбитые кружки становятся фарфоровыми феями, глоток кофе приводит в таинственные ведьмовы коридоры, где струятся потоки кофе и шоколада, а чувства людей парят вокруг в виде звезд и туманностей. Кофейная ведьма может изменить эти чувства и весь мир заодно. Но дикий и голодный беглец из Небытия, неживой ведьмак, вышел на охоту за юной ведьмой и готов уничтожить всех и каждого, кого любит Саша, чтобы у нее не осталось никого. Только он.

Что делать Кофейной ведьме Саше Фербер? В опасности ее дедушка и бабушка, ее подруга, ее первая любовь. Или они... опасны сами? Кофейная гуща, подскажи. В решающий миг — не дрогни, рука.

УДК 821.161.1-312.9

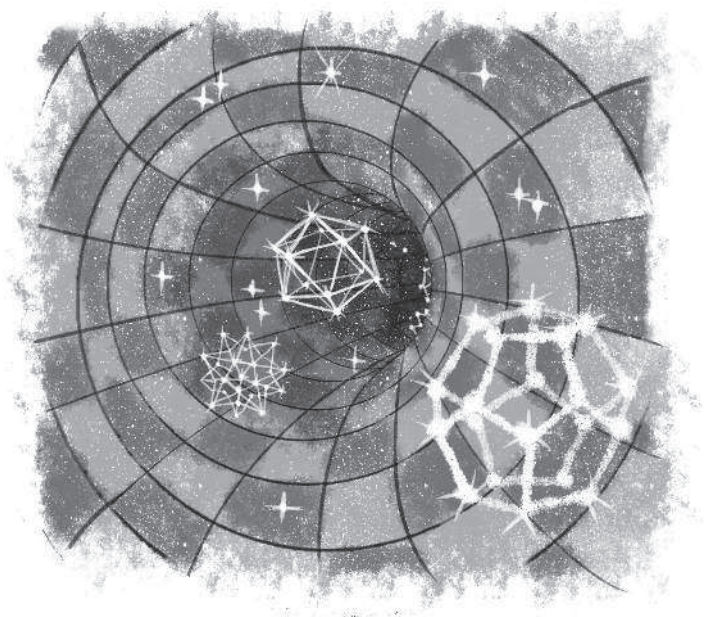
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-17-111704-7

© Алла Вологжанина, 2018

© Алиса Перкмини, иллюстрации, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Пролог

Однажды все изменилось.

Когда он совсем озверел и одичал от одиночества, Небытие всколыхнулось. И где-то совсем рядом и в то же время бесконечно далеко забрезжил проход. Он устремился туда.

Это неправда, что в Небытии ты теряешь себя, становясь лишь неразумным, бесчувственным, бездушным сгустком силы... *Былой* силы. Во-все нет. В каком-то смысле, все, что остается от тебя, — это душа, чувства и разум. И способ-

ность осознать страшный в своей неоспоримости факт — тебя больше нет. А мир — есть. И все живое в нем — есть.

Поэтому, когда тонкая и бесконечно прочная стена между Бытием и Небытием вдруг оказалась дверью, он не мог упустить шанса. Удивительно, что только он. Впрочем, он настолько привык к одиночеству, что на самом деле не удивился. Просто фигура речи. Речи, которую он вновь обретет вместе со всем, что имел когда-то, как только...

Дверь в Бытие не распахнулась приветливо перед ним. Это и дверью-то нельзя было назвать. Так, лазейка, крошечная крысиная норка, жалкая червоточина. Жадное Небытие не желало выпустить добычу, поэтому даже такая крошечная дырочка оскалилась, словно пасть хищного зверя. Лязгнули несуществующие клыки. Шваркнули по его несуществующей коже, оставляя несуществующие, но все равно болезненные раны, выхватывая клочья его призрачной плоти.

Выдираться в Бытие оказалось больно. Ну что ж, это же, по сути, рождение. А оно, как и все в мире, — боль. Рождение — боль. Смерть — боль. И лишь между ними кратким мигом и бесконечностью разливается безумная сладость. Кото-

рую не ценишь, пока ощущаешь на собственном языке. Сладость *быть*.

Он вдохнул полной, хоть и все еще бесплотной грудью. Мир изменился. И дело было не в миллиардах людей, заселивших миллионы городов и деревень. Не в технике и не в скорости, с которой все проносилось мимо (и сквозь!) выходца из Небытия. Мир изменился куда глобальнее, чем это казалось его обитателям.

Мир опутывали и пронизывали совсем другие сети. Люди привязывались к другим, непривычным вещам. Другие вещи наделяли волшебством. Пели другие песни своим детям, да и значение им придавали уже совсем не то, что в былые времена.

Неизменным было одно.

Все в мире по-прежнему делилось на живое и мертвое. И лишь эти две противоположности пребывали в единстве и борьбе. Ничего другого.

Он вздохнул. Медленно, но верно, к нему возвращалась физическая способность чувствовать. И какое-то из чувств подсказывало — времени мало. Бесплотным духам не место среди живых существ. Не хочешь естественным путем низвергнуться обратно в Небытие? Разыщи того, кто открыл проход и померяйся с ним силами. Кажется,

это чувство звалось интуицией. Или просто памятью. Что бы то ни было, оно шептало — времени мало...

Но «мало» не означает «нет совсем».

И эту малость можно потратить на то, чтобы вновь ощутить себя живым и могущественным.

Он раскинул руки... всего себя раскинул, весь обратился в одно лишь восприятие и вобрал в себя шум моря и ветра, шорох песка, сыплющегося сквозь корни вековых сосен, прорвавшие землю. Каменный город на берегу. Острова и мосты. Дворцы, закладку которых он не помнил. Ведь дворцы смотрели на темную реку не так долго, как он метался в Небытии. Дома-ульи, в каждом из которых ютился человеческий рой. Жилища, едва ли более долговечные, чем их обитатели. Лодки на пристани, парк на берегу.

Откуда-то совсем рядом раздался знакомый зов. Не звук, не отзвук, а сладкая, томительная тяга... туда-туда, в особые, ведьмачьи, слои пространства. Где чувства и помыслы — истинны. Где лишь Жизнь и Смерть имеют значение, и лишь они едины в вечной борьбе. Совсем рядом раскинулась... нет, раскидывалась прямо сейчас ведьмова Сеть. Пока еще слабая, какая-то робкая и зыбкая. Но соединяющая живых людей. Теплых.

Дышащих. Существующих. Что это была за сеть? Что связывало этих людей? Какие вещи или дела? Непонятно и неважно. Разберется потом. Когда разыщет того, кто приоткрыл дверь из Небытия. Пора-пора... вот только еще раз прикоснуться к ведьмовой Сети, заглянуть в окно, за которым кто-то неумело, но с любовью пытается творить волшебство.

Он стал ветром, смешался с морским воздухом и втянулся в открытое окно. И на миг забыл про Сеть, про бытие и его противоположность. Забыл даже о том, что бесплотен и почти бездушен. Он рухнул как обломок скалы в океан. Рухнул во взгляд первого за долгие века человеческого существа на своем пути. Этот взгляд был так светел, что карий цвет глаз не сразу считывался. И в нем было столько тепла и одновременно тоски, что беглецу из Небытия еще сильнее захотелось стать живым. Сесть рядом, взять из рук этой худой и безумно красивой девушки... девочки громадную чашку с напитком, выглядевшим смолой и пахнувшим почти как смола. И сказать что-то... что? Неважно. Но что-то живое. Чтобы в светлых глазах больше не плескалось одиночества. Чтобы в них ничего не плескалось. Не искрилось. Не существовало.

Кроме его отражения.

Чтобы в ней не осталось ничего. Ни памяти, ни тоски, ни света. Только он. Только он.

Морской ветер, которым он стал, коснулся ее лица. Чуть подталкивая, раздувая ведьмину искру, готовую вот-вот разгореться в пламя. Она что-то почувствовала. Что-то, чего не умела назвать. Да и нечего там было называть — просто отголоски чужого сна, на выдохе принесенные и тут же забытые как... как сон. Чужой сон.

Сон из Небытия.

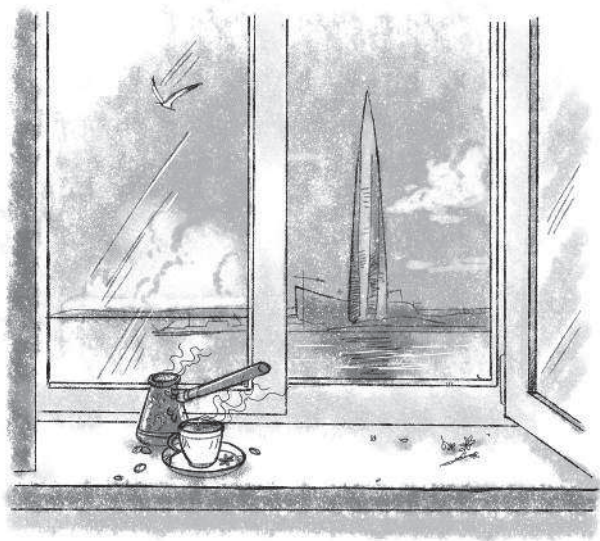
О, он был страшным существом, пока не погряз в Небытии. А сейчас вся его страшность и вся его существенность стянулись в одну точку. На странную тесную кухню, где юная светлоглазая уже-почти-ведьма плела Сеть, сама того не подозревая. Что ж, скоро этот мир оплетут совсем другие сети. Те, о которых здесь уже забыли... Жди меня, ведьма.

На секунду ему показалось, что он произнес это вслух. Разумеется, всего лишь показалось. А потом он сам стал секундой. Микроскопической долей секунды, микроскопической долей вещества, сжался, сконцентрировался и метнулся туда, где его ждал глупец, открывший дверь в Небытие. Что ж... его сила и память весьма при-

годятся тому, кто из бесплотного недосущества
готов стать сильнейшим из ведьмаков Сети. И сы-
грать в вечную игру.

И как о страшном сне забыть о пустоте.

И об одиночестве забыть.

Глава 1

— Трагедия произошла во дворе одной из высотных новостроек Санкт-Петербургского района «Парнас». После внезапной смерти трехмесячного ребенка скоропостижно скончалась сорокалетняя жительница Северной столицы. Прибывшие по вызову прохожих наряд полиции и скорая констатировали обширный инфаркт.

Жуть какая. Сашка выключила телевизор. Просто сменить канал ей показалось недостаточным. Нормальных новостей у них нет? Бр-ррр...

Неужели с этого короткого циничного общения все и началось? Ну уж нет! Пусть не с него! Пусть с фей, которым Сашка сгоряча хвосты накрутила, то есть прикрутила. Хорошо бы. Но на самом деле — тоже нет. Стартовым событием стало то, чего она боялась сильнее смерти и десятка стоматологов при исполнении, — ее называли обманщицей и шарлатанкой. Причем... заслуженно.

Ладно бы — клиентка обрушилась на юную гадалку. Ничего подобного! Дедов странный ассистент, с которым она и двух слов-то не сказала, кроме «привет-пока».

До сих пор его присутствие в квартире Сашу вообще не касалось. В принципе, разумное дело — в квартире шесть комнат. Дед Леша — дизайнер. Он превратил одно из помещений в рабочую студию. Почему бы не поселить помощника в пустующей комнате, если он все равно каждое утро как на работу приезжает? То есть без всяких «как» — на работу и есть. Официальную, между прочим, не левую подработку. А так — будет еще и по выходным маячить, компанию составлять. Тем более что Серый был студентом, то есть не намного старше самой Сашки.

Она по-честному не имела никаких возражений против компании. А если бы имела, то все равно не высказала бы — она была мягкая порой до бесхарактерности. И дружелюбная, разве что иногда ехидная. Идеальная соседка, с которой можно кофейку попить, за жизнь поболтать, книгами обменяться. Но компании не сложилось. От Серого (на имя Сергей он не отзывался, как будто не к нему обращались) прямо-таки веяло неуютом каким-то. Напряженной готовностью к... к чему? К бою, иначе и не скажешь. Не к банальной драке, а к бою.

Прозвище «Серый» ему тоже ужасно не шло. Подошло бы «Карий», да только подходящего имени в природе не существовало. А жаль. Потому что этот парень был какой-то весь... рыже-коричневый. Загорелый, с волосами цвета красных кирпичей, зеленовато-карими глазами. Да еще и ходил в неизменно потертой кожаной одежде. Вроде штаны-куртки-безрукавки были разными, но всех оттенков одного, весьма скучного цвета — коричневого. Рыжие, кирпичные, терракотовые... и кофейные тоже, да. И покроя такого... ну... того и гляди лук из-за плеча выхватит и начнет по атакующим оркам стрелять. Дизайнер, забодай меня дракон, подумала Сашка при первой встрече.

В самом деле — походил бы Серый на ролевика, но почему-то даже при самом беглом взгляде на него становилось понятно — он в игрушки не играет, у него всё по-настоящему. Вот только что это — «всё»?

Готовность к бою. Уж точно не свойственная парням из мира моды. Во всяком случае, в Сашинем представлении.

Он и к Сашке со словами «Обманщица. Шарлатанка» подошел так, будто из засады выскочил. Хотя всего-то с кухонного балкона шагнул в помещение. Принадлежащее, кстати, ее, Сашкиным, предкам. Причем вовсе не далеким.

Сама Сашка оказалась у бабушки и деда тоже из-за студенчества. Грядущего. То есть из-за школы, конечно. В Питере они лучше, чем в их глухой провинции, в универ нормальный попасть больше шансов.

Угу, официальная версия.

Реальность оказалась богаче на события. Мама водворила Сашку в одну из гулких пустующих комнат под присмотр бабушки Маши и деда Леши. Расцеловала и обещала очень скучать. А через месяц рванула на очередные поиски себя, гармонии и счастья в личной жизни... аж в Аргентину. И торчала там уже без малого два года.